За советскую культуру 1963 12 июня

Гордость русской культуры

К 20-летию со дня смерти И. В. Ершова

ЕСТЬ люди, жизнь которых ярко освещает все кругом, а затем долго еще остается этот свет, свидетельствуя о большой, содержательно прожитой жизни. Таков Иван Васильевич Ершов.

Жизнь этого человека в искусстве — неповторимое явление. По самому внутреннему складу своего артистизма он необычен и непохож на других. Каждая роль, которую он исполнял, была резко отлична от установленного художественного эталона. Человек большого темперамента, он никогда не шел проторенными дорогами, а всегда стремился найти индивидуальные, самобытные решения своим творческим задачам. Его Садко, Голицин, Финн, Михайла Туча, Гришка Кутерьма, Зигфрид, Зигмунд, Логе, Тангейзер, Тристан, Ирод, Хозе, Отелло, Хлопуша и многие-многие другие созданные им образы никогда не были пассивными подражаниями. Иван Васильевич все всегда строил, исходя из собственных идейно-эстетических положений, из свойственных только ему самому принципов музыкальной драматургии. Вместе с тем он всеми своими корнями уходил в русское народное искусство, в русскую почвенность. Как знал он русскую литературу, русскую историю, языковые особенности художественной и бытовой речи, как он чувствовал пластику скульптуры (в том числе и балета), экспрессивную содержательность живописи, как много находил он значительного и прекрасного в окружающей жизни,— об этом известно каждому, кто слышал его со сцены.

Каждое слово, каждая его фраза насыщены кровью собственного сердца, мыслью, интеллектом. В этой экспрессивной манере владения интонационной природой слова и чувствовался артист огромной душевной глубины. Чувствовалась его неуемная, ни на один день не прекращающаяся работа над поисками характерных нюансов и многообразная работа над усвоением «побочного» материала; явственно проступала жизнь большого человека с его поисками нового, с его романтическими порывами. И все это было раскрыто им в больших обобщенно философских планах. Каждая роль, каждый образ Ершова — это прежде всего громадное обобщение. Сколько трепета, порывов, стремления принести людям добро мы видели у Ершова в образе Голицина, когда артист подчеркивал трагическую судьбу этого своеобразного большого русского характера.

Так же никогда не изгладится из памяти воплощенная Ершовым мудрая в своей человеческой правде история жизни Финна.

Широко и привольно звучал у него Садко. Сколько любования и любви чувствовалось в его обращении к природе! Бунтарь и неуемный человек, которому было тесно в условиях мелких торгашеских будней Новгорода, раскрывался большим поэтом, что-то от Пера Гюнта и русских землепроходцев было в его гимнических песнях.

Страшен у Ершова образ Гришки Кутерьмы. Трудно даже проследить все многообразные истоки, послужившие основой этого образа. Вся многострадальная Русь с ее слезами, с ее чудовищно жестокими условиями воплотилась с буквально шекспировской силой в этом трагическом образе. Так и видишь его широко открытые глаза, в которых отражались и ужас, и трагедия, и страдание, и протест, и тяга к свету, и безысходная придавленность к земле. Как тут не вспомнить психологический реализм художников-передвижников, не вспомнить Мусоргского, его обращение к «серым», сермяжным мужикам!

И. Ершов в ролях Гришки Кутерьмы (слева) и Садко.

Столь же выразительной была и речь Ершова. Но именно у Ершова нельзя отделять «чистый вокал» от художественного воплощения того или иного образа. У него все было едино и органически слито в целостной экспрессивной подаче. Поэтому-то у него поистине «пели» спина и плечи, например, в «Тангейзере», когда в последнем действии, возвращаясь из Рима от папы с тяжелейшим грузом непрощенного греха, он буквально сгибался под тяжестью рокового приговора.

Удивительно широк был диапазон образов, созданных Ершовым. Так же остро и ярко воссозданы им и лирические, и мужественные, и героические характеры. Гимническим светом звучала у него вся партия Зигмунда. Песня о весне, тяга к чистой любви, к лучшим проявлениям человеческой души буквально звенела у него, когда он пел «Валькирию», «Зигфрида», «Гибель богов». Трудная речь Вагнера в интерпретации Ивана Васильевича Ершова была естественной, гибкой. Недаром многие зарубежные любители и ценители Вагнера, а также дирижеры специально приезжали из-за рубежа слушать его в партиях Зигфрида, Зигмунда, Тангейзера, Тристана.

Советский народ оценил по достоинству пламенное сердце артиста, его жизненный подвиг. И. В. Ершову одному из первых было присвоено почетное звание народного артиста Советского Союза.

А. ДМИТРИЕВ